

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Чернов Кирилл Сергеевич

«Государственная Уставная Грамота Российской Империи»
(к вопросу о российском конституционализме)

специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва
2007

Работа выполнена на кафедре Истории России XIX – начала XX вв. Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Цимбаев Николай Иванович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Минаева Нина Васильевна
(МПГУ)

кандидат исторических наук, н.с.
Марней Людмила Петровна
(ИнСлав РАН)

Ведущая организация: Государственный исторический музей

Защита диссертации состоится «13» ноября 2007 года в 16.00 часов на заседании Диссертационного Совета К-501.001.09 по отечественной истории при Московском государственной университете им. М.В.Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, исторический факультет, ауд.550.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А.М.Горького МГУ им. М.В.Ломоносова (Ленинские горы, МГУ, 1 корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан « ____ » сентября 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

Н.В.Козлова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Правление Александра I пришлось на переломную эпоху русской истории. Предыдущий XVIII век, с одной стороны, подвел итог предшествовавшему историческому периоду, с другой – ознаменовался становлением в России самодержавного строя, что потребовало формирования принципиально иной общественно-политической системы и соответствующей ей модели административного управления империей, способной быстро и эффективно решать внутри и внешнеполитические задачи, встающие перед страной. Основы этой модели были заложены в период правления Елизаветы и Екатерины. Александру I надлежало этот процесс завершить, создав механизм управления территориями. Решение этой задачи становится основной целью его внутренней политики.

Сложность заключалась в том, что старых методов государственного строительства, предложенных его предшественниками, было уже недостаточно: понадобились новые технологии, соответствующие новым временам. Качественно новых подходов требовали факторы как внутренние (территориальный рост империи при Екатерине II, печальные итоги павловского правления и т. п.), так и внешние (революция во Франции, крушение казавшейся незыблемой и вечной модели европейского абсолютизма, формирование государственности нового типа, наполеоновские войны, передел Европы и пр.). Александру I предстояло эти подходы и технологии не только разработать или заимствовать, но и применить на практике. По своим масштабам и отсутствию аналогов – задача исключительной трудности. Во-первых, потому, что решение ее было возможно преимущественно на основе европейского опыта и использования в качестве строительного материала для возведения собственной оригинальной конструкции иностранных правовых и политических идей и практики. Во-вторых, потому, что конечной целью данного процесса являлась не модернизация уже имеющейся системы управления, не адаптация русской монархии к буржуазному правопорядку, не ограничение самодержавия путем введения представительства, а поступательное, планомерное движение по тому пути, который был заложен XVIII веком, пути утверждения и укрепления в России абсолютизма. Реализации этой задачи и было посвящено царствование Александра I. Механизмом стал «русский конституционализм».

Понятие «русский конституционализм» не однородно. Традиционно его принято условно делить на правительственный конституционализм и конституционные проекты, выходявшие из-под пера общественных деятелей. Для времени Александра I это деление более чем условно еще и в силу неразвитости самого общества, его неразрывной связи с правительством.

Из сказанного следует, что важнейшей составляющей «русского конституционализма» рубежа XVIII-XIX веков был вопрос о технологиях государственного строительства. Иными словами, основополагающими темами истории «русского конституционализма» являются вопросы о том, **как** правовая теория и практика, возникшая и существовавшая на западноевропейской почве, порожденная процессом становления там капиталистических отношений, использовалась российской властью для решения собственных внутренних проблем; **как** передовые идеи превращались в инструмент, созидающий и закрепляющий не соответствующие им буржуазные нормы и порядки, а вполне средневековый институт власти, каковым было самодержавие, и соответствующий ему социально-государственный правопорядок.

Предметом исследования выступает разработанная правительством Александра I модель государственности, описанная в «Государственной Уставной Грамоте Российской Империи». Грамота представляет интерес не только потому, что является вершиной реформаторских усилий александровской администрации. Она – единственный документ, позволяющий говорить о «русском конституционализме» как о неразрывном явлении, обозначающем границу, возникшую чуть позже между правительственным конституционализмом и конституционными устремлениями русского общества.

Объектом настоящего исследования является история правительственного конституционализма.

Целью настоящего исследования стало всестороннее изучение Грамоты, которое потребовало как источниковедческого, так и исторического анализа. Таким образом, в диссертации параллельно решаются две **задачи**. Первая – источниковедческое исследование – обусловлена не только тем, что в соответствующей научной литературе источниковедческие вопросы получили недостаточное освещение или же не рассматривались вовсе, но и необходимостью решения практических вопросов адаптации юридических документов для целей исторической науки. Для этого определен корпус текстов различных редакций самой Грамоты; впервые в литературе осуществлены переводы французских текстов первой и третьей редакций; введены в научный оборот ранее неизвестные архивные списки редакций и составлены схемы, иллюстрирующие взаимосвязь различных списков редакций между собой; рассмотрен вопрос о языке оригинала второй редакции Грамоты, для чего впервые в литературе составлен полный перечень всех разночтений русского и французского текстов второй редакции Грамоты; рассмотрен вопрос об источниках Грамоты и составлен полнотекстовый постатейный указатель текстовых и смысловых заимствований. Кроме того, выявлен круг документов, непосредственно примыкающих к корпусу текстов Грамоты. В процессе источниковедческого изучения воссоздается история создания трех редакций Грамоты и решается вопрос их датировки.

В соответствии со второй задачей – историческим исследованием – было подробно проанализировано содержание Грамоты, для чего рассмотрен вопрос о том, какое отражение нашли в документе наиболее передовые философско-юридические концепции конца XVIII – начала XIX веков, использованные составителями Грамоты в виде технологических приемов при разработке системы управления империей.

Научная новизна исследования состоит в том, что материалы Государственной Уставной Грамоты Российской Империи позволяют по-новому представить и оценить контекст не только собственно внутренней политики императора Александра I, ее теснейшую взаимосвязь с предшествующей эпохой, но и развития российского абсолютизма. Привлечение широкого комплекса юридических материалов дает возможность проследить динамику развития русской имперской государственности, увидеть преемственность политических процессов XVIII – первой половины XIX веков.

Хронологические рамки исследования обусловлены совокупностью факторов. С одной стороны, временем составления непосредственно текстов редакций Грамоты, с другой – их теснейшей зависимости от процесса развития самой государственности в России. В силу этого большинство источниковедческих вопросов охватывают период с 1814 по 1825 годы, тогда как историческое исследование потребовало значительно более широкого временного охвата, с ретроспективой во вторую половину XVIII века.

Источниковой базой исследования является широкий комплекс архивных и опубликованных документов, которые следует разделить на несколько групп.

Это в первую очередь материалы законодательной деятельности правительства. Среди них особое место, обусловленное темой исследования, принадлежит собственно текстам редакций Грамоты и документам, непосредственно примыкающим к данному корпусу редакций, т.е. тем, о существовании которых прямо и недвусмысленно сказано в тексте редакций, либо тем, составления и издания которых требовала от правительства законодательная практика.

К этой же группе относятся многочисленные законодательные памятники второй половины XVIII – первой четверти XIX вв., без которых невозможно понять мотивировку деятельности александровской администрации по выработке курса внутренней политики в целом и формирования модели управления в частности. Это, во-первых, отечественное законодательство, например, Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения, Жалованные грамоты дворянству и городам, Учреждения для управления губерний, Устав

благочиния, Указ об экзамене на чин, Образование Государственного Совета, Общее учреждение министерств, императорские указы, как именные, так и Правительствующему Сенату о назначениях или отставках отдельных чиновников администрации, изменении титулатуры, Манифест о присоединении Польши, официальные речи императора Александра I, публиковавшиеся в первой четверти XIX века отдельными брошюрами, а также в газетах «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские сенатские ведомости» за соответствующие годы. Кроме того, данная группа включает иностранное законодательство – конституции Франции, Польши, германских государств, США, английское правовое наследие, Заключительные Акты Венского Конгресса и венского министерского совещания.

Вторая группа документов представляет собой материалы официального правительственного делопроизводства. В нее входят:

1) отдельные нереализованные проекты государственных преобразований представителей высшей имперской бюрократии – М.М.Сперанского, Н.Н.Новосильцова, Д.М.Гурьева, Н.С.Мордвинова, Б.Кампенгаузена, М.А.Булугьянского;

2) отдельные докладные записки на имя императора, поданные в период работы Венского Конгресса сотрудниками Министерства Иностранных Дел Российской Империи, например, Каподистрией и Поццо-ди-Борго;

3) совокупность материалов генерал-губернаторских опытов А.Д.Балашова;

4) делопроизводственную переписку Николая I с И.Ф.Паскевичем, последнего с А.И.Чернышевым, Николая I с В.Ф.Адлербергом, последнего с К.Г.Стаалем по поводу уничтожения печатных экземпляров Грамоты. В особую подгруппу следует выделить дипломатическую делопроизводственную переписку австрийских и прусских дипломатов со своими министерствами по предметам системы управления Царством Польским в составе Российской империи и непосредственно процесса составления текста первой редакции Грамоты, как, например, Бернсторфа, Меттерниха, Лебцельтерна, Шмидта, Шелера, Кламм Мартинаца, Л.-Г. фон Тиле.

Третью группу источников составило эпистолярное наследие П.А.Вяземского, сотрудника канцелярии Н.Н.Новосильцова в Царстве Польском, где была проведена основная работа по составлению текстов первой и второй редакций Грамоты; а также представителей русского общества, как например, А.П.Ермолова, А.А.Закревского, П.Д.Киселева, В.П.Кочубея, Г.Ф.Паррота, Н.И. и А.И.Тургеневых.

Наконец, в работе использован комплекс отечественных и иностранных философских, юридических и политических трактатов, исследований и записок второй половины XVIII – первой четверти XIX веков, среди которых наиболее важными являются сочинения Ж.-Ж.Руссо, Д.Дидро, Ж.-Л.Делольма, Э.Сиейса, Б.Констана, Н.М.Карамзина.

Большинство источников извлечены из российских (ГАРФ, ИРЛИ, ОР РГБ, РГАДА, РГИА, РО РНБ, СПб ИИ РАН) и немецких (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz) архивов.

Методологическую основу диссертации составляют принципы историзма и научной объективности, позволяющие рассмотреть изучаемый феномен – Государственную Уставную Грамоту – как комплексную систему, анализируя факты во всей их совокупности и взаимосвязи. В работе нашли применение общеисторические (историко-типологические и историко-системные) методы.

Основной метод исследования – объективно исторический анализ и обобщение материалов, опубликованных и не опубликованных первоисточников, а также обобщение опыта предшествующих исследований.

Апробация работы. Материалы диссертации стали основой для ряда выступлений на научных конференциях. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре истории России XIX – начала XX веков Исторического факультета Московского Государственного Университета им. М.В.Ломоносова. Также по теме диссертации

опубликованы 2 статьи, в том числе 1 статья в журнале «Вестник Московского Университета», включенный в перечень рецензируемых научных изданий ВАК.

Степень изученности темы. Государственная Уставная Грамота изучена недостаточно, а потому историография вопроса немногочисленна.

Впервые на Грамоту с целью изучения обратили внимание в пореформенное время. Среди наиболее видных представителей русских историков этого периода особо стоит А.Н.Пыпин, чья работа «Общественное движение при Александре I» впервые увидела свет в 1871 году. Характеризуя послевоенные настроения правительства как «нерешительные», он, в качестве иллюстрации, привел проект Н.Н.Новосильцова, «из подробностей которого легко видеть, что его составители не были чрезмерными либералами. Проект Новосильцова, как и известный план Сперанского, слишком далеки от каких-нибудь либеральных преувеличений; напротив, проект был именно таков, какого можно было ожидать при политической неразвитости большинства. В самом деле, проект тщательно охраняет независимость верховной власти и все ее prerogatives. Власть является столь могущественною, что весь государственный механизм остается, в сущности, в ее руках. Нельзя поэтому сказать, чтобы обществу давалось слишком много свободы: напротив, оно получало ее едва столько, сколько было бы нужно для приготовления общества к более положительным формам представительства. Вопрос о крепостном праве остается также нетронутым, как у Сперанского: это довольно показывает, что особенного либерализма и “презрения к истории” здесь вовсе не оказалось. При всем том, введением этого нового порядка вещей думали тогда дать более правильное и спокойное развитие уже возбужденным элементам общественного мнения»¹.

Таким образом, безусловными заслугами А.Н.Пыпина может считаться то, что он первым наметил путь дальнейшего изучения документа – сопоставления Грамоты Н.Н.Новосильцова с планом М.М.Сперанского², а также то, что он впервые назвал конкретного автора Уставной Грамоты – Н.Н.Новосильцова. Однако ничего более о проекте 1820 года историк в первом издании своей монографии сообщить не сумел.

В 1885 году вышло в свет второе издание работы³ А.Н.Пыпина, в котором автор, получив возможность публично разбирать сочинение Н.И.Тургенева «Россия и русские», сообщал некоторые подробности работы над составлением проекта. В приложениях был опубликован очень подробный пересказ второй редакции⁴, выдержанный, однако, в столь нейтральных тонах, что ничего не прибавил к пониманию позиции автора. Интересным, впрочем, представляется дальнейшее развитие идеи о сохранении в русской правительственной мысли либеральных настроений и после создания венской системы. В качестве доказательства этого тезиса автор привел «малоизвестный проект Новосильцова ... как свидетельство о настроении императора Александра и вообще о духе того времени». Причина подобных правительственных настроений, а, следовательно, и создания проекта Н.Н.Новосильцова, «едва ли состояла в одном увлечении “западным либерализмом”, но в большей степени “в критическом отношении к прошедшему и к его многим наследиям в жизни современной... , потому что этим критическим отношением подготовлялась основная, необходимейшая реформа».

¹ Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871. С. 378.

² Развивая эту мысль во втором издании своей работы А.Н.Пыпин писал: «Проект Новосильцова был, по-видимому, последовательным развитием планов, какие некогда император поручал Сперанскому. Между ними нельзя не заметить значительного сходства, например, в общем плане представительства, в устройстве административном, в намеках на устройство судебное. Работы Сперанского, по-видимому имелись в виду у Новосильцова». Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1885. С. 359.

³ Пыпин А.Н. Указ. соч. Изд. II, СПб., 1885. С. 358 – 360.

⁴ Приложения ко 2-му изд. Общественное движение при Александре I. СПб., 1885. С. 496 – 502. Впоследствии пересказ второй редакции без изменений был повторен в 3-ем (СПб., 1900. С. 540 – 546) и 4-ом (СПб., 1908. С. 540 – 546) изданиях.

В июльском номере журнала «Русский Вестник» за 1871 год увидела свет рецензия П.К.Щебальского на первое издание монографии А.Н.Пыпина⁵. П.К.Щебальский впервые предпринял попытку датировать документ и предположил, что польская конституционная хартия «служила отчасти руководством Новосильцову, и что он заимствовал из польской истории то учреждение сената какое мы видели в его проекте, а это в свою очередь заставляет думать, что Новосильцов писал свой проект, находясь в качестве императорского комиссара при управлении Польского наместничества». Вслед за А.Н.Пыпиным рецензент отмечал, что в проекте Новосильцова невозможно найти «и намека на разрешение крестьянского вопроса». Автор рецензии впервые попытался провести сопоставление конкретных позиций проекта Новосильцова с планом М.М.Сперанского. Однако детального сопоставления документов в работе не содержится. Зато авторству П.К.Щебальского принадлежит ставшая особо популярной в позднейшей историографии идея о федерализации империи путем введения нового административно-территориального деления страны на наместничества, «которые со временем неизбежно произвели бы ее раздробление». И, наконец, П.К.Щебальский является автором идеи о наличии определенной взаимосвязи между варшавской речью Александра I и проектом Н.Н.Новосильцова. Общее отношение историка к проекту Н.Н.Новосильцова нигде не выражено прямо, о нем можно судить лишь по эпитетам, которыми наградил автор работу Н.Н.Новосильцова. «Злополучная конституция» – вот основной лейтмотив комментариев П.К.Щебальского.

После работ А.Н.Пыпина и П.К.Щебальского последовал тридцатилетний перерыв, и лишь в 1906 году вышла в свет работа В.Е.Якушкина «Государственная власть и проекты государственных реформ в России»⁶, в которой автор, развивая идею П.К.Щебальского о федеративных началах проекта, усмотрел преемственность последних относительно плана М.М.Сперанского. «Если у Сперанского есть то достоинство, что он дает цельную систему самоуправления – снизу доверху, то Новосильцов пошел в этом направлении еще дальше; по его проекту Россия делится на области, наместничества, имеющие свое собственное законодательное представительство. Это есть установление столь важного по историческим, этнографическим и бытовым условиям России федеративного начала». В.Е.Якушкин продолжил традицию сопоставления проекта Н.Н.Новосильцова с другими конституционными начинаниями Александра I. Он полагал, что Грамота «очень близка во многом к польской конституции 1815 г., заимствует из нее даже многие термины, но ниже польской конституции и ниже проекта Сперанского». «Что, однако, особенно невыгодно отличает проект Новосильцова, это – введенное им условие, парализующее смысл и значение народного представительства: избиратели избирают не представителей, а только кандидатов, и уже по высочайшему назначению призываются представителями две трети или половина числа кандидатов». В заключение В.Е.Якушкин указывал, что проект Н.Н.Новосильцова «имел важное значение», поскольку свидетельствовал сколь долго Александр I «держался конституционных убеждений, и значение проекта увеличилось тем, что он был так близок к осуществлению».

Выпускник дерптского университета Т.Шиман, развивая эту же мысль в работе «Александр I»⁷, высказал предположение, что при составлении Грамоты наряду с польской хартией имелись в виду и работы М.М.Сперанского. Основное отличие плана М.М.Сперанского от проекта Н.Н.Новосильцова автор усматривал в том, что народное представительство в проекте Н.Н.Новосильцова – всего лишь фикция, поскольку и система выборов, и юрисдикция Думы лишь подчеркивали неограниченность власти императора. «Весь аппарат был создан с целью установить продуктивный контроль над

⁵ Щебальский П.К. Идеалисты и реалисты // Русский Вестник СПб., 1871. Т. 94. С. 244 – 249.

⁶ Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственных реформ в России. СПб., 1906. С. 92 – 95.

⁷ Шиман Т. Александр I. М., 1908. С. 41 – 51.

бюрократией и дать царю возможность видеть действительные условия русской жизни. Неудобная инициатива снизу была тщательно устранена, так же тщательно соблюден совещательный характер представительных учреждений и приняты меры к тому, чтобы правительство всегда имело возможность устранить нежелательных лиц от участия в представительных учреждениях, как путем тщательного подбора, так и путем прямого влияния на выборы». В то же время Т.Шиман полагал, что императорская конфирмация положений второй редакции привела бы к «более полному изменению основ общественной и частной жизни, чем при осуществлении идей Сперанского. По необходимости постепенно уничтожилась бы крепостная зависимость, так как у владельцев отнималось право распоряжаться свободой, жизнью и имуществом их “душ”. Правда, “общие узаконения” не затрагивают непосредственно этой проблемы, но лишают ее основ, а без последних должно рано или поздно рухнуть все сооружение».

Историк, отдавая должное составителям проекта, замечал, что авторы Уставной Грамоты намного шире, нежели М.М.Сперанский, понимали «ручательства верховной власти» – своего рода гражданские свободы, даруемые императором своим подданным. В проекте Н.Н.Новосильцова Т.Шиман усматривал «гарантированные императором определения, которые по английскому образцу, ясно заметному и в польской конституции, обеспечивают равенство всех подданных перед законом и охраняют свободу личности и имущества от злоупотребления властей». Наименее фиктивный характер, с точки зрения исследователя, носили установления, касающиеся независимости юстиции от администрации и судебного ведомства вообще.

В отличие от своих предшественников, историк полагал, что император шел не прямо от плана М.М.Сперанского к проекту Н.Н.Новосильцова, а опосредованно через польскую конституцию, которая, по его мнению, «имела в глазах Александра I значение подготовительного шага». Даруя конституцию Польше, «действительной целью стараний Александра являлась конституция для всей России. На этом он твердо стоял».

Во введении к монографии «Политические и общественные идеи декабристов»⁸ В.И.Семевский развил идею, заложенную его предшественником. Рассуждения автора относительно попыток введения в России конституции сводятся к мысли о том, что проект Н.Н.Новосильцова лежит в контексте «александровского либерализма», который является плодом конституционной деятельности «высших сфер». Работы М.М.Сперанского 1802 года, записка 1803 года, «Введение к уложению государственных законов», довоенный проект Н.С.Мордвинова, польская конституция 1815 года, проект Н.С.Мордвинова 1816–1819 г.г., Уставная Грамота – такова логика рассуждений В.И.Семевского. При этом автор проводил мысль о постепенной нивелировке либерализма, присущего работам М.М.Сперанского. Проект Н.Н.Новосильцова представлялся В.И.Семевскому «сколком с польской конституционной хартии, но только в значительно ухудшенном виде... Если бы проект Новосильцова был осуществлен, то такая конституция еще меньше оградила бы Россию от правительственного произвола, чем была ограждена Польша конституционной хартией 1815 года».

Политические события начала XX в. отодвинули на второй план историю конституционных споров столетней давности. Только в 1925 году в Праге была издана монография Г.В.Вернадского «Государственная Уставная грамота Российской империи 1820 года»⁹. Труд представляет собой историко-юридическое исследование и до сих пор является единственной работой, целиком посвященной истории создания, анализу текста и положений проекта Новосильцова. В работе предпринята попытка нарисовать полномасштабную картину царствования Александра I. В ее основу исследователь положил мысль о стремлении императора к проведению самостоятельной внешней политики, которая стеснялась дисбалансом между «основами русской исторической жизни» и «началами западной политической теории». Курс внутренней политики, по

⁸ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 37 – 59.

⁹ Вернадский Г.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года. Прага, 1925.

мысли историка, был нацелен на устранение этого дисбаланса. «Трудность заключалась не только (и не столько) в вопросе политическом самом по себе, но также (и главным образом) в спутанности этого вопроса с вопросом социальным, с вопросом о политике власти по отношению к дворянскому сословию и к крепостному крестьянству». Государственная Уставная Грамота, таким образом, представляла собой венец всей внутренней политики Александра I, документ, в котором в концентрированном виде отразились политика в сфере государственного строительства и социальная политика. В результате Г.В.Вернадский видел в Грамоте не конституцию, а «подобие конституции».

Г.В.Вернадский развил и довел до логического завершения мысль о «федералистических началах» Грамоты, которые, с его точки зрения, являлись «попыткой теоретически решить проблему соотношения центра и окраин Империи и преодолеть автономию этих окраин». В силу этого федерализм Грамоты есть «проявление процесса ... собирания отдельных государств или государственно-подобных образований в одно единое целое». Таким образом, включение федералистических начал в текст Грамоты было вызвано «мыслью о присоединении к федеративной Российской Империи и других штатов или “наместничеств”», т.е. экспансионистской политикой Александра I. В качестве примера автор приводил «планы Чарторыйского и Новосильцова по созданию славянской федерации».

Безусловному авторству Г.В.Вернадского принадлежит идея о наличии взаимосвязи генерал-губернаторских опытов А.Д.Балашова с Государственной Уставной Грамотой. Г.В.Вернадский рассматривал генерал-губернаторство А.Д.Балашова как попытку реализации на практике положений Грамоты.

После пражских опытов Г.В.Вернадского она более 25 лет не вызывала интереса у историков. Только в 1957 году увидела свет работа А.В.Предтеченского «Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.»¹⁰, в которой послевоенной внутренней политике правительства и, в частности, реформаторским планам Александра I посвящена целая глава. В рассуждениях А.В.Предтеченского о путях послевоенной реформаторской правительственной мысли Государственная Уставная Грамота стоит особняком, представляя собой своего рода вершину особого направления послевоенной правительственной мысли. Начатое варшавской речью императора, продолженное проектом Государственной Уставной Грамоты и вылившееся в немногочисленные проекты переустройства системы местного управления – это направление характеризуется А.В.Предтеченским как либеральное.

Автор дает очень беглую, «сухую» характеристику содержания второй редакции Грамоты, призванную проиллюстрировать вывод, ставший вполне традиционным для советской историографии – Государственная Уставная Грамота есть «шаг назад» по сравнению с «Планом» М.М.Сперанского, который было принято рассматривать как вершину либеральной правительственной мысли. Анализируя содержание проекта Новосильцова, А.В.Предтеченский пришел к выводу, что «грамота ... ни в коей мере не превращала Россию в конституционную монархию». А.В.Предтеченский акцентирует внимание на сохранении в неприкосновенности крепостного права, сословного деления общества, всей полноты дворянских привилегий. Кроме того, он подчеркивал, что Грамота не расширяла прав третьего сословия, не выдерживала до конца принципа разделения властей, не устанавливала принципа ответственности исполнительной власти. Он отрицал федералистические начала Грамоты, воспринимая идею разделения России на наместничества как продолжение губернской реформы Екатерины. Основным лейтмотивом рассуждений автора – введение Грамоты продемонстрировало бы обществу «совершенную неспособность правительства разрешить назревшие общественно-политические вопросы». Трудно придумать более уничижительную характеристику, чем ту, которую дает А.В.Предтеченский плодам работы в канцелярии Н.Н.Новосильцова:

¹⁰ Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.–Л., 1957.

«Бессилие правительственных “реформаторов” так явственно сквозило в каждой статье грамоты, что следствием прочтения ее каждым честным и не забывшим о своем народе человеком была бы только потеря в нем остатков доверия к правительству».

Споря с Г.В.Вернадским по вопросу о том, были ли генерал–губернаторские опыты А.Д.Балашова попыткой реализации на практике местных установлений Грамоты, советский историк придерживается мнения, что точка зрения Г.В.Вернадского «основана на его чистых домыслах», поскольку «ни в одном из документов, относящихся к проведению в жизнь проектов организации местного управления, не заключено ... ни единого намека на связь между тем, что делал в своем генерал–губернаторстве А.Д.Балашев, и Уставной Грамотой». Таким образом, в отличие от своего предшественника, А.В.Предтеченский не усматривал прямой взаимосвязи между проектами реорганизации системы местного управления, относящимися ко второй половине Александровского царства, и Государственной Уставной Грамотой.

Вновь проект Новосильцова привлек внимание исследователей только через 10 лет. В 1964 году вышла статья А.И.Парусова «Государственная уставная грамота 1820 года»¹¹. Автор, поставив задачу заново исследовать сущность Грамоты, связал ее появление с процессом формирования в России и в Европе новой социально-экономической формации. Сопоставляя проект М.М.Сперанского и Грамоту, А.И.Парусов пришел к выводу, что оба этих проекта представляют собой попытку приспособить существовавший в России общественно-экономический строй к новым социально политическим процессам в русском обществе при безусловном сохранении власти помещиков-крепостников. В силу автор противопоставил Грамоту проектам декабристов. Таким образом, работа А.И.Парусова представляет собой классический взгляд советской исторической школы на реформаторскую деятельность правительства Александра I.

После очередного почти 20–летнего перерыва вопрос о конституционных реформах начала XIX в. опять стал актуален. В 1982 году в Саратове увидела свет работа В.Н.Минаевой¹², в которой отдельная глава посвящена послевоенным общественным настроениям и, в частности, проекту Новосильцова. Безусловной заслугой автора является введение в научный оборот новых данных относительно обстоятельств публикации текста А.Гродыньским и последующих поисков опубликованных экземпляров и рукописных материалов, относящихся к Грамоте, в ходе польского восстания 1830-1831 г.г. Рассматривая содержание Грамоты, исследователь концентрирует внимание на «идеях политической свободы, представительного правления и буржуазного федерализма в Государственной Уставной Грамоте». Анализ текста привел В. Н. Минаеву к выводу о «проникновении буржуазного права в еще, по существу, феодальный правовой кодекс. ... Однако,- справедливо полагает исследователь,- было бы глубоко неправильным признать лишь буржуазное начало Уставной Грамоты. Атрибуты буржуазного правопорядка представлены в этом документе в тесном сплетении с феодально-правовой структурой».

В 1989 году увидела свет монография С.В.Мироненко «Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.», в которой послевоенным конституционным начинаниям правительства отведена целая глава¹³. В соответствующих главах настоящей работы представлен подробный разбор взглядов С.В.Мироненко на взаимосвязь польского вопроса и присоединения Польши к России с проектом Государственной Уставной Грамоты. Здесь же стоит подчеркнуть лишь тот факт, что безусловной заслугой С.В.Мироненко является реабилитация незаслуженно утраченного советской историографией тезиса о прямой взаимосвязи генерал-губернаторских опытов

¹¹ Парусов А.И. Государственная уставная грамота 1820 года // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький 1964. Серия ист.–фил. Вып. № 72. С. 5 – 38.

¹² Минаева В.Н. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.

¹³ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 147 – 206.

А.Д.Балашева с конституционными планами Александра I и непосредственно проектом Н.Н.Новосильцева. С.В.Мироненко пошел далее своих предшественников и отметил, что, назначая А.Д.Балашева генерал-губернатором, император не раскрыл ему истинный смысл назначения, который, как полагает историк, состоял в том, чтобы на практике осуществить одобренные им принципы конституционной реформы, т.е. основные положения первой редакции Государственной Уставной Грамоты, относящиеся к устройству наместнических областей. С.В.Мироненко рассматривает в единой цепочке проект учреждения наместничеств Н.Н.Новосильцева 1816 года, росписание губерний по 12 генерал-губернаторским округам, генерал-губернаторские опыты А.Д.Балашева и Государственную Уставную Грамоту, оценивая их в качестве тенденции к «переустройству государственного управления на федеративных началах». Следует особо подчеркнуть, что автор называет принципы административного переустройства империи «буржуазным федерализмом».

Особой заслугой С.В.Мироненко является введение в научный оборот принципиально нового для изучения истории Государственной Уставной Грамоты и понимания принципов правительственного либерализма первой половины XIX в. тезиса, объясняющего причины столь пристального внимания правительства к вопросу о переустройстве империи на федеративных принципах. «Как видно из текста «Уставной Грамоты», - пишет ученый, - в федеративном устройстве ее авторы видели средство внести относительный порядок в управление огромной страной. Создание правительственных кабинетов наместничеств, обсуждение всех конкретных нужд края в сейме должны были гарантировать верное и быстрое осуществление на местах правительственной политики, упорядочение ведения дел, завершили бы перестройку всего управления страной по лучевому принципу».

Анализ положений Государственной Уставной Грамоты позволил С.В.Мироненко сделать ряд крайне важных наблюдений и выводов. Историк считает, что осуществление на практике принципов Государственной Уставной Грамоты «превратило бы Россию в конституционную монархию», поскольку, по мысли исследователя, императорская власть существенно ограничивалась законотворческими прерогативами наместнических и общегосударственного сеймов, последний из которых оценивается исследователем как «буржуазный по своей сути орган – двухпалатный парламент». К буржуазным чертам Государственной Уставной Грамоты историк относит и независимость суда от остальных частей управления, а также обоснование права частной собственности. В тоже время С.В.Мироненко считает, что «признавая несомненно буржуазный характер «Уставной Грамоты» не следует преувеличивать его последовательность и радикальность. И здесь следует прежде всего подчеркнуть явно патримониальный характер этого документа», выразившийся, по мнению историка, в признании императора источником всех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. «Это принципиально важное положение, которое определило, по существу, главный феодальный пережиток «Уставной Грамоты» - проникновение императорской самодержавной власти во все сферы государственной жизни, сохранение ее определяющего влияния на все жизненно важные процессы. ... В сущности, ни один вопрос в стране не мог быть решен, минуя монарха». Однако, подводя общий итог, историк делает вывод, что «Уставная Грамота» - образец попытки соединить самодержавие с конституционной системой».

За последние 20 лет Государственная Уставная Грамота достаточно часто попадала в поле зрения различных исследователей¹⁴, однако ничего принципиально нового для

¹⁴ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; Антология мировой правовой мысли. Том 4. Россия XI-XIX вв. М., 1999; Рыжов К. Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний. М., 1999; Доннерт Э. Либеральный конституционализм и конституционные проекты времени Александра I для Финляндии, Польши и России // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000; Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000; История России. Теория изучения. Книга первая. С древнейших

изучения в этих работах не содержится. При безусловном различии позиций авторов общим местом их работ является признание того факта, что Грамота, в большем или меньшем объеме, вносила в государственное устройство России черты, свойственные буржуазному правопорядку.

На рубеже тысячелетий в свет вышло значительное количество исследований, посвященных проблемам федерализма и разделения властей в истории Российской империи. Среди них только в работах Н.И.Цимбаева¹⁵ проводится принципиально новая для отечественной историографии мысль об отсутствии в России условий для развития как федерализма, так и принципа разделения властей. Автор указывает, что в силу этого наблюдается неразвитость теоретических построений, которые могли бы быть положены в основу правительственных реформ или революционной деятельности общества, а потому при попытках определения этих понятий «наблюдались фундаментальные противоречия и терминологическая невыдержанность». Исследователь считает, что основополагающие концепции буржуазного правопорядка в России становились всего лишь политическими лозунгами, в определенный момент полезными для борьбы с имперской государственностью. Такой новаторский общефилософский подход к проблеме позволил в рамках данного исследования посмотреть на многие положения Государственной Уставной Грамоты под принципиально новым углом зрения и иначе, чем это делалось ранее в литературе, оценить многие положения рассматриваемого в диссертации общественно-политического строя.

Практическая значимость. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в процессе дальнейшего изучения проблем отечественной истории второй половины XVIII – первой половины XIX веков, а также при написании обобщающих исследований по политической истории России, разработке общих и специальных курсов.

II. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из Введения, двух Частей, каждая из которых подразделяется на три главы, Заключение, списка использованных источников и литературы, десяти Приложений по пять к каждой Части исследования.

Во Введении обосновывается актуальность темы, определяются цели исследования, его хронологические рамки, характеризуется историографическая разработанность проблемы.

Первая Часть «Источниковедческая» посвящена источниковедческому анализу Грамоты и состоит из трех глав.

Глава 1 «КОРПУС ТЕКСТОВ» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе – «**Основной корпус текстов «Государственной Уставной Грамоты»**» – рассматривается вопрос о корпусе текстов непосредственно Государственной Уставной Грамоты, т. е. о соотношении сохранившихся и несохранившихся списков и публикаций Грамоты. Именем «Государственная Уставная Грамота» принято называть корпус текстов, созданных в канцелярии Н.Н.Новосильцова. В этот корпус текстов историками традиционно включаются четыре документа: «Précis de

времен до конца XIX века. Учебное пособие. /Под. ред. Б. В. Личмана. Екатеринбург, 2001; Институт генерал-губернаторства и наместничества в России. Т.1 – 2. СПб., 2001, 2003; Замалеев А.Ф. Учебник русской политологии. СПб. 2002; Россия. XX век. Исследования. М., 2002. Захаров В.Ю. «всемиловейшая жалованная грамота российскому народу» 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во второй половине XVIII – начала XX в.в. М., 2002; Игнатов В.Г. История государственного управления России. М., 2002; Мотин С.В., Филиппов О.А. Возникновение и становление конституционализма в Российской империи. Уфа, 2003; Административные реформы в России: история и современность. М., 2006; Минаева Н.В. Век Пушкина. М., 2007.

¹⁵ Цимбаев Н.И. Идеи федерализма и федеративного устройства России в общественной мысли // Очерки русской культуры XIX века т.4 Общественная мысль М.,2003; Цимбаев Н.И. Разделение властей: исторический опыт Российской Империи // Разделение властей: история и современность М.,1996.

la Charte constitutionnelle de l'Empire Russie», «Charte constitutionnelle de l'Empire de Russie», «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» и «Tableau sommaire des matières qui entreront dans les livres II et III du projet de Règlement Organique».

К **первой редакции** относится «Précis de la Charte constitutionnelle de l'Empire Russie». Подлинный текст документа не сохранился. Сохранились два списка с подлинного текста. Первый содержится в донесении прусского генерального консула в Варшаве Ю.Шмидта¹⁶, второй – в донесении прусского посланника в России Ф. Фон Шелера¹⁷. Оба списка идентичны и представляют собой писарские копии на французском языке, написанные на бумаге формата А4, объемом от 6 («**список Шелера**») до 8 («**список Шмидта**») листов. Публикация французского текста «списка Шмидта» состоялась в 1894 году¹⁸; «список Шелера» не публиковался никогда.

В делах архива собственной е.и.в. канцелярии нам удалось обнаружить следы ранее не упоминавшегося в историографии списка первой редакции (**список Аракчеева с первой редакции**).

Официально русский перевод документа в XIX веке осуществлен не был, в историографии попытка полностью перевести документ и опубликовать его перевод так же не предпринималась. Русский перевод впервые выполнен в настоящем исследовании.

Ко **второй редакции** причисляют два документа – «Charte constitutionnelle de l'Empire de Russie» и «Государственная Уставная Грамота Российской Империи».

Писарские копии данных документов были впервые найдены в ходе польского восстания среди бумаг Н.Н.Новосильцова. Они были опубликованы в 1831 году отдельной брошюрой в Варшаве (**публикация Гродынского**)¹⁹. Печатные экземпляры были реквизированы И.Ф.Паскевичем, так же как и рукописные писарские копии русского и французского текстов хартии, которые одновременно с публикацией Гродынского были доставлены в Москву. Печатные экземпляры были сожжены, а писарские копии переданы в Секретный Государственный Архив. Ныне эта рукопись хранится в РГАДА²⁰ (**список Паскевича**).

Часть печатных экземпляров, проданных до штурма Варшавы (1831), получила распространение в России и Европе. Однако, поскольку стараниями правительства печатный экземпляр книги представлял собой библиографическую редкость, публикация Гродынского распространялась среди образованной части русского общества, в первую очередь, в рукописных списках. Нам удалось обнаружить два ранее неизвестных в историографии рукописных списка, сделанных в 30-х годах XIX века. Первый хранится в делах «фонда Строгановых» в РГАДА²¹ (**копия Строганова**), второй – в ОР РГБ среди «разрозненных списков исторических документов» в «фонде Елагиных»²² (**копия Елагиной**). Обе эти копии, как и их прототип – публикация Гродынского – во французском тексте насчитывают 190 статей. В ОР РНБ в личном архиве Н.К.Шильдера²³ (**копия Шильдера**) хранится еще один рукописный список русского текста второй редакции, который был введен историком в научный оборот в 1898 году²⁴ (**публикация Шильдера**). Этот список также является рукописной копией публикации Гродынского.

Публикация Гродынского послужила источником серии последующих переизданий. К ним относятся переиздание 1837 года в британском сборнике документов «Портофолио

¹⁶ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz III. HA (2.4.1.) №.6576. S. 1 – 5v.

¹⁷ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz III. HA (2.4.1.) №.6381. S. 24 – 26v.

¹⁸ Schiemann Th. Eine Konstitution für Russland vom Jahre 1819. // Historische Zeitschrift. 1894. Bd.72. S.65 – 68.

¹⁹ Charte Constitutionnelle de l'Empire de la Russie. Varsovie, 1831; Государственная Уставная Грамота Российской Империи, Варшава, 1831.

²⁰ РГАДА. Ф.3 (разряд III). Д.25. Л. 1–98.

²¹ РГАДА. Ф.1278. Оп.1. Д.504.

²² ОР РГБ Ф.99. Картон 16. Д.32.

²³ ОР РНБ. Ф.859. Картон 19. Ед. хр. 6. Государственная Уставная Грамота.

²⁴ Шильдер Н.К. Император Александр I. СПб., 1898. С.499 – 526.

или собрание государственных бумаг и других документов», издававшимся как на островах на английском языке, так и на континенте на французском²⁵; парижское переиздание А.Франка 1859 года²⁶; публикация текста А.Гродынского А.И.Герценом в издательстве «вольной русской типографии» в Лондоне²⁷; публикация в книге «Материалы к царствованию Николая I»²⁸; и публикация 1905 года в «Русском Архиве» П.И.Бартенева²⁹.

Первая и единственная публикация списка Паскевича состоялась в 1903 году в Берлине³⁰ (**публикация Шимана**).

В РГИА нам удалось обнаружить следы еще двух, ранее в историографии не упоминавшихся, рукописных списков первой и второй редакций, которые, наравне со списком Паскевича, могли бы рассматриваться как наиболее ранние списки, относящиеся к 1820-м годам. По описи Комитета 6 декабря 1826 года числятся, но, к сожалению не находятся в наличии, два дела, имеющие прямое отношение ко второй редакции. В описи сохранились две записи. Первая: «дело 235/5 “Запечатанный пакет с надписью “Прислано от его Императорского Величества”»³¹. Вторая: «дело 235/6, “Тоже в портфеле: а) Précis de la Charte Constitutionnelle pour l’Empire Russie; б) Charte Constitutionnelle de l’Empire de Russie; в) Charte constitutionnelle et statuts organiques du Royaume de Pologne (impr.)»³². В целях дальнейшего повествования назовем рукописные материалы дела 235/6 – **список Аракчеева с первой редакции** (материалы дела 235/6 под буквой а) и **список Аракчеева со второй редакции** (материалы дела 235/6 под буквой б).

В 1836 году при разборе бароном М.А.Корфом бумаг, оставшихся от покойного Н.Н.Новосильцова, был обнаружен еще один экземпляр второй редакции, который мы обозначим как **список Корфа**. Его, как и в случае со списками Аракчеева, император Николай оставил у себя и дальнейшая его судьба неизвестна³³.

Таким образом, до настоящего времени сохранились три двуязычных рукописных списка второй редакции (список Паскевича, копия Строганова и копия Елагиной) и один русскоязычный (список Шильдера), которые составляют корпус текстов второй редакции.

Под именем **третьей редакции** фигурирует документ на французском языке, озаглавленный «Tableau sommaire des matières qui entreront dans les livres II et III du projet de Règlement Organique». Писарская копия этого документа вместе со списком Паскевича была найдена польскими повстанцами, привезена в Москву И.Ф.Паскевичем и передана на хранение в Секретный Государственный Архив. Ныне рукопись хранится в РГАДА³⁴.

Впервые она была издана в публикации Гродынского 1831 года, и потому текст третьей редакции является составной частью всех рукописных копий (копия Строганова и копия Елагиной) и печатных переизданий второй редакции. В работе С.В.Мироненко впервые приведен русский перевод названия: «Общий свод предметов, входящих во вторую и третью книги проекта Органического регламента»³⁵. Официально русский перевод документа в XIX веке осуществлен не был, в историографии попытка полностью

²⁵ The portfolio of collection of state papiers and other documents. Vol. V. London, 1837; Le portfolio ou collection des documents relatifs à l’histoire contemporain. T. V. Paris, 1837; Le portfolio ou collection des documents relatifs à l’histoire contemporain. Hambourg, 1837. (Далее The portfolio).

²⁶ Projet d’une charte constitutionnelle d’Alexandre Ier empereur de Russie. Paris. Librairie A.Franck. 1859.

²⁷ Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. Кн. II. Лондон, 1861. М., 1971. С. 193 – 194.

²⁸ Материалы к царствованию Николая I. Лейпциг, 1880.

²⁹ Русский Архив. М, 1905. Кн.3.

³⁰ Schiemann Th. Государственная Уставная Грамота.

³¹ РГИА. Ф.1167. Оп. Д.А.Г.С. Т.XVI. Д.235/5.

³² Там же. Д.235/6.

³³ Из записок барона (впоследствии графа) М.А.Корфа // Русская Старина. 1890. Т.95. С. 534.

³⁴ РГАДА. Ф.3 (разряд III). Д.25. Л. 99 – 109об.

³⁵ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 199.

перевести документ и опубликовать перевод также не предпринималась. Русский перевод впервые выполнен в настоящем исследовании.

Во **втором** параграфе – «**Документы, непосредственно примыкающие к корпусу текстов Государственной Уставной Грамоты**» – рассмотрению подвергнут корпус текстов, структурно не входящих в состав Государственной Уставной Грамоты, но о необходимости существования которых либо прямо и недвусмысленно сказано непосредственно в тексте редакций Грамоты, либо законодательная практика требовала от правительства составления подобного рода документов до официального оглашения нового закона. К ним относятся «Роспись Губерний на Округи», манифест, который должен был быть опубликован при официальном объявлении Грамоты и докладная записка Н.Н.Новосильцова на имя Александра I, в которой излагается возможный образ действий правительства, в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, вызванных введением Грамоты.

В **третьем** параграфе – «**Вопрос о языке оригинала Государственной Уставной Грамоты**» – подробно рассмотрены мнения историков, ранее исследовавших этот вопрос, а также впервые в литературе составлен полный перечень всех разночтений русского и французского текстов второй редакции Грамоты. На основании проведенного текстуального анализа сделан принципиально новый для литературы вывод: французский текст второй редакции Грамоты не является первоисточником, а русский текст не является простым переводом с французского. Первоисточником можно считать оба языка в зависимости от того, какая юридическая норма легла в основу той или иной статьи Государственной Уставной Грамоты. Если источником статьи является европейская норма, взятая из французского, немецкого или польского законодательства, то языком оригинала следует признать французский. Если же в основе рассматриваемой статьи лежат русские правовые реалии, то для данной статьи русский язык, безусловно, должен быть признан языком оригинала, французский же вариант является переводом.

Глава 2 «История создания и датировка» также состоит из трех параграфов, в каждом из которых рассматриваются вопросы об истории создания и датировке каждой из трех редакций.

В **первом** параграфе – «**Первая редакция**» – анализируется гипотеза о взаимосвязи первой редакции с Варшавской речью Александра I, подробно разбирается вопрос о возможности существования прототипа первой редакции, а также о степени вовлеченности П.А.Вяземского в процесс составления текста. На основе анализа эпистолярного наследия П.А.Вяземского, делопроизводственной переписки прусских и австрийских дипломатов со своими министерствами, а также эпистолярного наследия А.П.Ермолова, А.А.Закревского, П.Д.Киселева, следует признать, что гипотеза о существовании прототипа первой редакции не подтверждается данными источников. После присоединения Царства Польского к России и дарования ему конституции российское самодержавие, по не отразившимся в источниках причинам, начинает прорабатывать мысль о необходимости «реформировать безобразное здание». Приведенные в работе свидетельства П.А.Вяземского, являвшегося чиновником канцелярии Н.Н.Новосильцова, Ю.Шмидта, Ф. фон Шелера, Лебцельтерна, подробно информировавших свои министерства о развитии событий в Польше и Петербурге, красноречиво свидетельствуют, что Н.Н.Новосильцов, как один из крупнейших российских бюрократов, был вовлечен в этот процесс. Составив в 1816 году, видимо, не без ведома императора, проект учреждения наместничеств, Н.Н.Новосильцов, вероятно, получил задание аккумулировать имеющийся европейский конституционный опыт для последующего развития на его базе тех идей, которые сформулированы в проекте. Одновременно не стоит сбрасывать со счетов и императорские планы по присоединению литовских губерний к Польше: Н.Н.Новосильцов должен был заниматься проработкой и этого вопроса, на что указывает то неоспоримое обстоятельство, что он находился в Польше и волею своего местоположения был в это вовлечен. Естественно, что

имеющаяся в руках Н.Н.Новосильцова канцелярия использовалась для сбора, анализа и, вероятно, первичной обработки огромного массива документации, который необходимо было собрать и освоить до начала работы над каким бы то ни было собственным проектом. Говоря в 1818-1819 годах о переводе конституций, о некоей работе, которую нетерпеливо ожидает император и т.д., П.А.Вяземский имел в виду именно эту подготовительную работу, а, точнее, ту ее часть, к которой его допускали – переводы на русский язык текстов западноевропейских конституций, а не о составлении некоего самостоятельного конституционного проекта для России. В донесениях Ю.Шмидта и Лебцельтерна, а также позднейших воспоминаниях П.А.Вяземского сохранилась достаточно полная картина того, как была организована эта работа. По поручению Н.Н.Новосильцова французский юрист Peshar Deschamps отыскивал в западноевропейских конституциях содержащиеся в них юридические нормы, которые могли бы быть использованы в будущем при составлении самостоятельных документов. Очевидно так же и то, что П.А.Вяземский не имел никакого отношения к первой редакции. Автором непосредственно текста является Deschamps. Авторство же идеологии, безусловно, принадлежит императору Александру I. Первая редакция датируется временем пребывания Александра I в Варшаве в октябре 1819 г., т.е. 7-9 – 16 октября. Это – вполне достаточный срок для того, чтобы дать Н.Н.Новосильцову распоряжение подготовить текст «Précis», написать краткую (не более 8 страниц писарским подчерком) записку и в ночь перед отъездом подробно ее обсудить.

Во **втором** параграфе – **«Вторая редакция»** – анализируются донесения прусских и австрийских дипломатов и эпистолярное наследие Н.И.Тургенева. Эти источники позволяют прийти к заключению, что дошедшие до нас списки второй редакции должны быть отнесены ко времени до начала второго польского сейма (конец лета – начало осени 1820 года), поскольку правка, которую, по свидетельству Н.И.Тургенева, император вносил в проект, учтена во второй редакции (статьи 102 и 114). Непосредственно примыкающие ко второй редакции «Опыт введения в хартию» и «Проект», таким образом, так же должны быть отнесены к этому времени.

В **третьем** параграфе – **«Третья редакция»** - рассматривается вопрос о взаимосвязи Грамоты с генерал-губернаторскими опытами А.Д.Балашова и об их возможном влиянии на сохранившиеся фрагменты текста третьей редакции Грамоты. На этой основе третью редакцию можно датировать не ранее весны – лета 1824 года.

Глава 3 «Источники Государственной Уставной Грамоты» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе – **«Взгляды русской академической группы»** – подробно рассматриваются взгляды Г.В.Вернадского на вопрос о соотношении текстов Конституционной Хартии Царства Польского и Государственной Уставной Грамоты, а также впервые в литературе категоризируются имеющиеся на полях списка Паскевича пометки, которые являются основным свидетельством взаимосвязи Грамоты с польской конституцией. Пометки имеются напротив 172 из 191 статьи второй редакции. Все они могут быть разделены на два типа.

Первый – пометки: «Государственная Грамота Царства Польского 1815 года, статья ...» (используется также сокращенное написание: «Госу. Грам. Ц.П. 1815 г., ст. ...») в русскоязычном варианте, и «Constit. du Roy. de Pologne donnée en 1815, art: ...» (сокращенное до: «Const. de 1815. art. ...» или «d°. art. ...») во франкоязычном варианте названы в исследовании **«пометки соответствия»**. Они имеются напротив совокупно 122-х статей Грамоты. В подавляющем большинстве статьи Грамоты, имеющие пометки соответствия, представляют собой практически дословное текстуальное заимствование соответствующих статей польской конституции. Такие соответствия названы в исследовании **«текстуальными заимствованиями»**. Наиболее наглядно это заимствование прослеживается по французскому варианту текста Хартии, который является языком оригинала – наравне с польским и русским – для обоих документов.

Русскоязычный вариант изложения, требовавший перевода французского текста польской конституции на русский язык, дает не столь очевидную картину. Вышесказанное свидетельствует, что авторы второй редакции рассматривали данные статьи как заимствованные из польской конституции. Однако не все 122 статьи Грамоты могут быть признаны текстуальными заимствованиями. Статьи 25, 102, 114, 142, 148, 152, 162 и 172 второй редакции трактуют о типологически схожих явлениях, что и указанные в пометках соответствия статьи 162, 31, 113, 118, 128 и 133 польской конституции, но при этом не являются текстуальными заимствованиями. Более того, одна статья польской конституции может быть указана в пометках соответствия как источник для нескольких различных статей Грамоты. Наконец, статьи 25, 142, 148, 152 Грамоты являются наглядным примером того, что «составитель Грамоты, сохраняя внешнее убранство Хартии, иногда и при том в статьях большого принципиального значения совершенно видоизменял ее внутреннее содержание, причем делал это конечно не случайно, а строго обдуманно»³⁶. Подобные соответствия названы в исследовании «**смысловыми заимствованиями**».

Второй тип пометок: «Новая статья» или «То же» в русскоязычном варианте, или «Nouveau» во франкоязычном названы в исследовании «**пометки новшества**». Пометки новшества имеются напротив 47-ми статей Грамоты. Следует особо подчеркнуть, что пометки новшества не всегда соответствуют действительности: в некоторых случаях статьи, маркированные пометкой новшества, все же имеют своим источником польскую конституцию. Однако применительно к этим статьям речь идет не о прямом текстуальном копировании, а о заимствовании общей идеи статьи, так что они также относятся к «смысловым заимствованиям».

Само по себе наличие пометок новшества свидетельствует, что авторы Грамоты рассматривали маркированные таким образом статьи как не имеющие аналогов в польской конституции. Более того, правовая отсталость России и сам по себе кодификационный характер рассматриваемого документа не дают возможности предположить, что Н.Н.Новосильцов мог внести в текст документа какие-либо положения, не имеющие аналогов ни в западноевропейском, ни в более раннем отечественном законодательстве. Это обстоятельство заставило нас еще раз обратиться к детальному рассмотрению вопроса об источниках Грамоты.

Во втором параграфе – «**Метод анализа источниковой базы «Государственной Уставной Грамоты»**» – представлена характеристика постатейного полнотекстового указателя «текстуальных» и «смысловых» заимствований.

Взяв за основу пометки на полях списка Паскевича и наблюдения, сделанные Г.В.Вернадским относительно статей Грамоты, структурно «занимающих место» статей конституции Польской, нами был создан постатейный указатель текстовых и смысловых заимствований. При работе над этим указателем мы привлекли ранее использованные Г.В.Вернадским не в полной мере или не использованные вообще материалы, которые могут быть разделены на три типа.

Во-первых, конституционное наследие Великой Французской буржуазной революции, куда были включены как революционные, так и бонапартистские конституции Франции, а также польские конституции, созданные под влиянием революции во Франции или по прямому указанию Наполеона Бонапарта, а также конституция США, на которой в полной мере отразилась революционная ситуация кануна революции. Эти материалы позволили вписать Грамоту в контекст континентального конституционного процесса, порожденного Великой революцией.

Ко второму типу материалов были отнесены континентальные конституционные акты, в основу которых авторы положили принципы легитимизма, получившие широкое распространение в Европе в результате создания Венской Системы и Священного Союза. К таким материалам принадлежат: французская октроированная и германские

³⁶ Вернадский Г.В. Указ. соч. С.82.

активированные конституции 1814-1820 г.г., а также Заключительный Акт венского министерского совещания 8 июня 1820 г., представляющий собой дополнение к конституции Германского Союза. Этот комплекс документов предоставил возможность сформулировать вопрос о роле и месте проекта Новосильцова в структуре европейской конституционной мысли периода реставрации.

Совокупное использование документов первого и второго типов дало возможность проследить влияние в целом европейского конституционного процесса первой четверти XIX в. на проект русской конституции 1820 г.

Третий тип вобрал в себя русское законодательное наследие XVIII – начала XIX в.в., а также «Записку о древней и новой России» Н.М.Карамзина, отдельные нереализованные проекты М.М.Сперанского, Н.Н.Новосильцова и Д.М.Гурьева. Привлечение этого комплекса материалов дало возможность рассматривать Грамоту в контексте законотворческой практики российского абсолютизма: проследить преемственность ее положений по отношению к законодательству Екатерины Великой, а также четко определить роль и место проекта в структуре внутривластного курса Александра I. Кроме того, эти материалы предоставили уникальную возможность поставить вопрос о развитии отдельных идей и положений Грамоты в законодательстве Николая I.

Совокупное использование всех трех типов материалов позволило поставить вопрос о соотношении западноевропейской и отечественной правовых систем.

Поскольку и французский, и русский тексты второй редакции являются равнозначными языковыми вариантами одной и той же философской концепции, положенной в основу второй редакции, то для наглядности соответствующие статьи Грамоты рассматриваются на языке оригинала заимствования. Иными словами, если источником конкретной статьи послужил русскоязычный документ, проект или нормативно-правовой акт, то сопоставление проводится по русскоязычному варианту статьи Грамоты. Если же в основе лежит иностранная правовая норма, то по франкоязычному. В случае заимствований как из отечественного, так и из иностранного законодательства, рассматриваются оба варианта текста.

Постатейный указатель «текстуальных» и «смысловых» заимствований представлен в Приложении № 5 к настоящей работе. Данное приложение представляет собой таблицу, в которой напротив текста каждой статьи второй редакции приведены в порядке, указанном на полях списка Паскевича, соответствующий полный текст статьи или статей Государственной Грамоты Царства Польского, а также, по необходимости, полные или частичные тексты иных русских и/или иностранных источников, из которых данная статья второй редакции текстуально или семантически заимствует конкретную правовую норму. Места полного текстуального заимствования отмечены красным цветом, места, которые, на наш взгляд, являются смысловыми заимствованиями, отмечены синим цветом.

Вторая часть – «Конституция или администрация?» посвящена историческому исследованию положений Грамоты.

Непосредственно тексту глав второй части предшествует беглый обзор взглядов исследователей, озаглавленный **«Постановка вопроса»**, относительно того, можно ли признать Грамоту конституцией. Отсутствие в историографии единого мнения по этому поводу предопределило необходимость проведения анализа содержания Грамоты. В связи с этим данная часть состоит из трех самостоятельных глав, в каждой из которых рассматривается одна из трех просветительских теорий, использованных составителями Грамоты в виде технологических приемов при разработке системы управления империей.

Глава 1 «Теория мудреца на троне» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе – **«Европейское понимание конституции в начале XIX века»** – рассматривается комплекс вопросов, связанных с тем, как европейскими юристами конца XVIII – начала XIX века трактовалось понятие «конституция». На материале трактатов Ж.-Ж.Руссо, Д.Дидро, Ж.-Л.Делольма, Э.Сиейса, Б.Констана прослеживается изменение трактовки понятия «конституция» от раннеревolutionных взглядов до

легитимистских. На основе законодательных актов (La constitution de 3 septembre 1791, La constitution de 24 juin 1793, La constitution du 5 fructidor an III (22 août 1795), La constitution du 22 frimaire an VIII (13 décembre 1799), La constitution du 16 thermidor an X (4 août 1802), La constitution du 28 floréal an XII (18 mai 1804), La constitution du Duché de Varsovie du 22 juillet 1807, Introduction de Ludovic XVIII pour la charte constitutionnelle du 4 juin 1814, Charte constitutionnelle du 4 juin 1814, Acte constitutionnel du Grand-Duché de Bade 22 août 1818, La constitution du Royaume de Bavière 19 mai 1818, Acte constitutionnel du Royaume de Wurtemberg 25 septembre 1819, Schlußakte der Wiener Ministerkonferenzen, Acte constitutionnel du Grand-Duché de Hesse 17 décembre 1820) выявляются модели трансформации «монархического принципа», понятия «суверенитет» и теории «общественного договора» в конкретные юридические нормы, фиксируемые в законодательстве европейских стран.

Основным выводом данного параграфа является безусловное признание того факта, что европейская конституционная мысль рассматривала теорию общественного договора в качестве одного из краеугольных камней всей политической системы европейских государств. Это приводило к признанию прав суверенитета за нацией и, как следствие, парламентаризму буржуазного типа. Хотя и на континенте, и на островах монархи сохраняли значительные законодательные привилегии, выраженные в «монархическом принципе», но не они были источником закона и власти. В результате характер их власти превращался из абсолютного в конституционный.

Во втором параграфе – **«Проблема суверенитета в Государственной Уставной Грамоте»** – рассматривается правоприменение понятия «суверенитет» в Государственной Уставной Грамоте.

Статья 11 Грамоты передавала суверенитет безраздельно в руки монарха. Отрицание того, что суверенитет принадлежит нации, проводит непреодолимую черту между, с одной стороны, французской и английской конституционными традициями, а с другой – Государственной уставной Грамотой. Напротив, средоточие суверенитета в лице монарха позволяет соотнести проект Новосильцова с южногерманскими конституциями. Однако коренным отличием проекта Новосильцова от актированных конституций является то, что Грамота не должна была стать результатом договора между сувереном и представителями сословий. Государственная Уставная Грамота ни в каком виде не предполагала наличия каких бы то ни было договорных отношений суверена и сословий. Характерно, что понятие сословия заменено в Грамоте понятием верноподданные. Немаловажно также и то, что процедура принятия в подданство передается французским термином «naturaliser», который в европейской традиции используется для обозначения процедуры вступления в гражданство. Таким образом, гражданство подменяется в Грамоте подданством, т.е. принадлежностью не государству, а монарху. Это отражает суть политической системы Грамоты, в основе которой отсутствует теория общественного договора. Общественный договор заменен единоличным волеизъявлением суверена, дарующим своим верноподданным кодифицированный свод законов. Таким образом, Грамота не вносила никаких новшеств в основу всей политической системы империи. Она не превращала самодержавие в конституционную монархию. Напротив, самодержавие в Грамоте выступает в значительно более оформленном и зрелом виде, чем это было в XVIII веке. Это достигается за счет кодификации разрозненного законодательства, структуризации отдельных прав и привилегий самодержавца в единую, стройную, неразрывную правовую систему.

В третьем параграфе – **Монархический принцип в Государственной Уставной Грамоте** – рассматриваются механизмы, обеспечивающие самодержавцу контроль над политической и социальной система общества.

В тексте Грамоты доминирование самодержавия проявляется в двух плоскостях: в надгосударственном и надсословном характере, который приобретает самодержавие.

Надгосударственный характер самодержавной власти обеспечивается за счет соединения в руках самодержца всех административно-хозяйственных рычагов управления. Это дает контроль над всеми ветвями власти в империи – исполнительной, законодательной и судебной. Надгосударственный характер института самодержавия, как он описан Грамотой, формируется за счет присвоения сувереном отдельных видов власти. Согласно положениям проекта Новосильцова, императору принадлежит вся полнота исполнительной, судебной и законодательной власти. Эти три вида власти представляют собой существо понятия суверенитет, заключаются в нем и составляют его.

Надсословный характер самодержавной власти обеспечивается двумя механизмами – сословно-представительным органом, «содействующим» законодательной власти императора, и буржуазными по форме, но феодальными по сути общественно-политическими правами подданных императора. Примечательно, что оба эти механизма наследуются Грамотой из отечественного законодательства XVIII века.

Таким образом, авторы Грамоты впервые в русской истории сращивают абсолютистско-монархическую идеологию «законной монархии», высказанную Н.М.Карамзиным в «Записке» и восходящую к «Наказу», с конституционно-монархическим механизмом реализации монархом своих прав и привилегий, восходящим к французской конституционной практике 1791 года, переосмысленной с учетом российских потребностей М.М.Сперанским и вновь воскрешенной европейской действительностью в Хартии 1814 года и работах Б.Констана. Тем самым создается конструкция взаимопроникновения европейского легитимизма и российского просвещенного абсолютизма.

Целью создания такой конструкции является превращение монарха – верховного главы государства в суверена – сакрального единовластного правителя, который есть начало и конец всей государственности. Таким образом, формируется первая составляющая часть всей политической конструкции Грамоты – самодержавие. Понимание сущности и механизмы реализации самодержавием своих властных полномочий, как они представлены в Грамоте, свидетельствуют о превращении самодержавия Феофана Прокоповича в полновесный политико-социальный институт власти. Такая трансформация оказывается возможной только при условии развития и модернизации основных постулатов политики «просвещенного абсолютизма», чья законотворческая деятельность и административная практика основаны на трех концепциях эпохи просвещения – теории мудреца на троне, сословной трактовке теорий общественного договора и естественного права, а также принципе разделения властей.

Включение этих просветительских концепций в контекст российского самодержавия позволяет впервые в отечественной истории реализовать многовековое стремление российской верховной власти к выделению самой себя из числа себе подобных, т.е. к превращению в самостоятельный институт власти. Первый из трех просветительских принципов, видоизменяясь по сравнению с екатерининским временем в духе «Записки» Н.М.Карамзина, сохраняется в Грамоте в полном объеме. Второй получает в статьях Грамоты новую интерпретацию, приобретая псевдопарламентарную форму, что наиболее четко прослеживается при анализе статей, которые регламентируют работу сеймов и описывают процедуру выборов. Третий получает развитие в системе построения исполнительной вертикали власти, что наглядно подтверждается анализом статей, описывающих систему центральной и местной администрации.

Все это свидетельствует о неразрывной связи роли и статуса верховной власти, продемонстрированного авторами Грамоты, с русской практикой просвещенного абсолютизма XVIII в, который в основу понимания державной власти в полном соответствии с политическим учением Монтескье кладет просветительскую концепцию «мудреца на троне».

Таким образом, возникает политическая конструкция, отражающая суть всего проекта. Основная цель Грамоты – законодательно закрепить самодержавный, ничем не ограниченный статус абсолютистской власти.

Глава 2 «Теория общественного договора» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе – «**Место сеймовой структуры в системе административно-территориального деления империи. Категории сеймов**» – определяются различные категории сеймов, вводимых Грамотой. Грамота выделяла три категории сеймов – общеимперский, наместнический, и столичный

Во втором параграфе – «**Система выборов в Сеймы**» – рассматривается вопрос о механизмах комплектования различных представительных органов.

Основными источниками статей проекта Новосильцова, описывающих систему выборов послов и депутатов в наместнический сейм, являются отечественные правовые нормы, регулирующие сословный строй – «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи». Выбор авторами проекта Новосильцова этих документов не случаен, поскольку именно они даруют подданным российского императора феодальное право местного сословного самоуправления в виде дворянских собраний и градских обществ, на базе которых в проекте Новосильцова формируются две сословные избирательные курии – дворянская и городская. Таким образом, сопоставительный анализ положений Грамоты и сословного законодательства екатерининской эпохи дает возможность проследить изменения в социальной структуре общества, произошедшие за первую четверть XIX века.

Проект Новосильцова не вносил каких бы то ни было существенных изменений в социальное положение дворянина. Это недвусмысленно свидетельствует, что дворянская курия по своей сути носит ярко выраженный сословный характер, а избирательные права дворянства являются логическим следствием их имущественных прав – монополии на владение населенными землями. Следует подчеркнуть, что дворянство уже в XVIII веке предстает в документах ВЭО, дворянских наказах в Уложенную комиссию и, конечно же, в Жалованной грамоте дворянству как единая консолидированная социальная группа, стремящаяся закрепить свое уникальное положение в сословных правах и привилегиях. В силу этого у авторов проекта Новосильцова не было необходимости давать какие бы то ни было дополнительные характеристики дворянству – оно и без того уже было организационно и законодательно оформлено в сословную корпорацию.

По отношению к Жалованной грамоте городам, проект Новосильцова не вносил каких бы то ни было существенных изменений в социальное положение мещанина. Как и дворянство, городская курия по своей сути носит ярко выраженный сословный характер, а избирательные права мещанства являются логическим следствием их имущественных прав. Фактически следует признать, что описанная в проекте Новосильцова городская курия лишь фиксировала уже существовавший на практике status quo, в основе которого лежали, безусловно, положения екатерининской эпохи. Те категории мещан, кто ранее на практике не имел возможности избирать представителей в городские органы самоуправления, законодательно лишались и права избирать депутатов в наместнические сеймы. Тем самым эти категории населения, как и все иные социальные слои русского общества, исключенные из избирательной системы – все категории крестьянства, духовенство, казачество, нерусские народности Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и Закавказья – лишались гражданских прав. Наиболее значимым является то обстоятельство, что подавляющее большинство категорий населения, лишенных гражданских прав, не включалось и в рамки сословного строя. Это свидетельствует о продолжении екатерининской и павловской политики унификации социальных слоев населения империи на основе сословных принципов.

Напротив, сословные права тех, кто ранее имел реальную возможность избирать, расширялись, и тем самым дворянство и наиболее состоятельные слои русского города

получали активное избирательное право, т.е. право составлять избирательную курию для выборов всех уровней, как местного самоуправления, так и наместнического сейма. В результате и в юридической теории, и в практическом правоприменении формировалось понятие «гражданские права», которые объединяли в себе сословное право избирать местные органы самоуправления с правом выбирать послов и депутатов в наместнический сейм. Таким образом, в основе «гражданских прав», как их понимает Уставная Грамота, лежит сословный строй, а сами «гражданские права» предстают в Грамоте в виде сословной привилегии, строго ограниченной имущественным цензом. В этом смысле «гражданские права» есть не что иное, как развитие на новом этапе положений жалованных грамот Екатерины II.

В силу невозможности обеспечить приоритетное представительство дворянства в сеймах за счет системы выборов, Грамота создает механизм административного контроля над процедурой выборов. Таким образом, выборная процедура находится под бюрократическим контролем государства. Следует также отметить, что за счет придания Сенату ранее не свойственных ему функций контроля над сеймами авторы Грамоты фактически предполагали провести полномасштабную реформу Сената, который в первой четверти XIX века представлял собой рудиментарный архаический орган петровской эпохи.

В третьем параграфе – **«Организационная структура и юрисдикция сеймов»** – рассматривается иерархия сеймовой структуры и выявляется компетенция сеймов.

Организационная структура, механизмы функционирования и юрисдикция сеймов наглядно свидетельствуют о стремлении авторов свести к нулю любую возможность выборных представителей сословий оказать влияние на законотворческий процесс как таковой и общественно-политическую жизнь в том виде, как она представлена в России в начале XIX века.

Сеймы Государственной Уставной Грамоты ни в коей мере нельзя назвать парламентами, а политическую составляющую сеймовой структуры парламентаризмом. Более того, представляется необоснованной точка зрения, что создававшиеся Грамотой сеймы могли бы когда-нибудь в будущем перерасти стадию сословного народного представительства и превратиться в парламент западноевропейского типа.

В четвертом параграфе – **«Местнический характер сеймов»** – выявляются цели, которые преследовали авторы Грамоты, создавая органы народного представительства. Ответ на этот вопрос следует искать в особенностях экономического развития России. Бурно протекавший на протяжении всего XVIII века процесс складывания феодально-барщинного хозяйства, в основе которого лежало экстенсивное земледелие, потребовал от государства значительных территориальных приобретений. Стремительное увеличение территории страны поставило перед верховной исполнительной властью управленческую задачу администрирования территорий. Для повседневного управления потребовался механизм сбора информации о положении на местах. Таким механизмом и должна была стать двучленная сеймовая структура. Впервые информационная действенность такого рода модели была продемонстрирована в период работы Уложенной Комиссии, которая позволила накопить огромный материал о реальном положении дел на местах. Этот материал лег в основу позднейшего сословного и административного законодательства Екатерины II. Уложенная комиссия выполнила, в первую очередь, социологическую функцию. Однако в условиях начала XIX века уже потребовалось создать постоянно действующий институт сбора информации с мест. Таким институтом должны были стать Сеймы. Именно поэтому нет ничего удивительного в том, что в основе выборов лежат сословные принципы, которые формировались в процессе работы Уложенной комиссии, а механизм функционирования сеймов практически полностью списан из того же источника и лишь немного дополнен реалиями бонапартистских конституций. Абсолютизму был нужен послушный управляемый информационный орган, своего рода постоянно действующий канал ретрансляции мнений, настроений, потребностей различных

территорий державной власти, т.е. в тот центр, который единолично принимал решения и издавал законы и которому, собственно, и принадлежал суверенитет. Сбор и обработка информации с мест – именно это и ничто иное, с нашей точки зрения, есть основная цель создания сеймов. Одновременно Сейм принимал на себя и функцию механизма апробации законодательных инициатив. Этот механизм позволял до начала реализации управленческой идеи протестировать ее на своего рода «фокус группе» – каковой становилась палата послов и депутатов. Такая модель была призвана нивелировать социальные последствия претворения в жизнь идей, не отвечающих реальным потребностям населения, и «водворить мир и тишину в губерниях». Иначе говоря, Сеймы проекта Новосильцова – это постоянно действующая Уложенная комиссия.

Глава 3 «Теория разделения властей» состоит из четырех параграфов.

В **первом** параграфе – «**Структура административного управления империи**» – рассмотрен вопрос о новом административно-территориальном делении страны, предполагавшемся авторами Грамоты. Это позволило выделить иерархию административно-управленческих единиц империи.

Во **втором** параграфе – «**Законосовещательные органы**» – рассмотрена административная структура законосовещательных органов империи. Это позволило поставить выявить управленческие проблемы, на решение которых была направлена Грамота, и определить механизмы решения этих проблем.

В основе внутренней структуры верховного законосовещательного органа империи – Государственного Совета, его разделения на Общее Собрание и Комитет Министров лежит принцип разделения властей. В данном случае, этот принцип применен не для отделения различных по сути властей друг от друга, а с целью отделения Общего Собрания – преимущественно законосовещательного органа от Комитета Министров – преимущественно исполнительного органа. Иными словами, принцип разделения властей использован в его формальном применении, т.е. как механизм, позволяющий четко развести в рамках бюрократической структуры и, что значительно важнее, бюрократических процедур, различные по форме и по структуре, но в одинаковой мере принадлежащие законосовещательной власти, органы. Таким образом, принцип разделения властей в данном случае – это механизм, обеспечивающий соблюдение бюрократической процедуры в законотворческом процессе.

В **третьем** параграфе – «**Исполнительные органы**» – рассмотрена бюрократическая структура соподчинения различных уровней административных исполнительных органов.

Грамота – первый в истории России документ, в котором в полном объеме удалось реализовать построенный на концепции разделения властей министерский принцип управления, т.е. единоначалие в принятии решения, соблюдение норм действующего законодательства при принятии решения, подчинение нижестоящих административных инстанций вышестоящим, ответственность за принятое решение и функциональное разделение полномочий между соответствующими исполнительными структурами. На основании проведенного анализа следует прийти к заключению, что в основе организации всей общеимперской, наместнической и губернской администрации лежит принцип унитаризма, высказанный еще в королевской конституции 1791 года и унаследованный Грамотой в полном объеме. Его внедрение на русской почве, конечно же, потребовало значительной адаптации, но это лишь усилило унитаристский характер всей системы. Таким образом, принцип разделения властей, в понимании составителей Грамоты, превратился в механизм создания унитарной государственности. Создаваемая Грамотой система органов исполнительной власти была нацелена на решение одной единственной, но наиболее принципиальной для самодержавия задачи – создания простой, внутренне не противоречивой и работоспособной системы для реализации прерогатив державной власти.

В отношении губернского и подчиненных ему окружного и волостного административных уровней управления следует признать, что положения

соответствующих статей Грамоты фактически подразумевали пересмотр основных положений Учреждения о губерниях. Последовательное проведение министерского принципа вызвало к жизни потребность в более четком разграничении исполнительных и судебных инстанций, смешение функций которых присутствует в Учреждении о губерниях. Это дает возможность впервые в литературе на конкретно историческом материале поставить вопрос о взаимовлиянии Грамоты и генерал-губернаторских опытов А.Д.Балашова, нацеленных на создание и апробацию местных полицейских учреждений.

В четвертом параграфе – «Судебные органы» – рассмотрено вопрос о структуре различных судебных инстанций. Анализ положений второй и третьей редакций Грамоты об устройстве судебной власти позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, всей системе соподчинения судебных мест (кроме Мировых Судов) свойственно строгое разделение уголовных и административных дел. Это показывает, что в первой половине 20-х годов XIX века правительство в полной мере осознавало потребность в создании соответствующих гражданского и уголовного кодекса, т.е. вплотную подошло к поиску механизмов кодификации законодательства. Во-вторых, предлагаемые Грамотой структурные изменения системы судебных учреждений никоим образом не соотносятся с положениями Учреждения о Губерниях 1775 года. Это свидетельствует о том, что судеустройство екатерининских времен должно было остаться в истории, уступив место новым, более отвечающим управленческим потребностям империи, судебным органам.

В **Заключении** подводятся итоги работы, излагаются основные выводы, намечаются перспективы дальнейших исследований.

Взойдя на престол, Александр I оказался преемником огромного и многообразного наследия, оставленного ему XVIII веком. Разросшаяся за XVIII столетие до колоссальных размеров империя оставалась по сути неуправляемой. Предпринятые Петром, Елизаветой и Екатериной попытки создания административной системы управления к началу XIX века продемонстрировали свою несостоятельность.

В результате перед Александром I стояла поистине неразрешимая дилемма – создать такую систему, которая отвечала бы двум основным принципам. Во-первых, сохранила бы в эксклюзивном ведении самодержавия все виды власти – законодательную, исполнительную и судебную. Во-вторых, предоставила бы в руки этого правителя гибкий и эффективный управленческий аппарат, дававший самодержцу возможность реализовывать свою власть в масштабах такой огромной страны как Российская Империя.

Имевшиеся западноевропейские образчики не могли быть использованы для реализации первого принципа. Они не удовлетворяли русских самодержцев, поскольку в Европе уже начались процессы буржуазного развития и, как следствие, процессы ломки старых управленческих систем и создания новых, в которых реализовывалось и новое соотношение сил, нашедшее свое выражение в идее, что не монарх, а сообщество граждан является носителем верховной неограниченной власти. Императорам же требовалось реализовать на практике идею о том, что ни один из создаваемых управленческих органов не мог быть наделен властью. Максимум, что в его компетенцию могло передать самодержавие – это набор функций, позволивших соответствующим инстанциям в полной мере и наилучшим образом реализовывать волю верховного неограниченного правителя.

Напротив, для реализации второго принципа потребны были новейшие западноевропейские управленческие идеи, концепции и технологии. Только они могли обеспечить четкость, слаженность и безотказность работы разветвленного управленческого аппарата империи.

В екатерининскую эпоху была предпринята первая попытка создания аппарата управления – реализована сословная структура социальной организации общества и создана губернская административная система.

К началу XIX века стало очевидно, что механизмы, которые были адекватны XVIII веку и на которых базировались проведенные Екатериной реформы, более не отвечают управленческим потребностям страны. Встал вопрос о необходимости новых реформ,

которые были бы реализованы с помощью более новых, а, значит, более совершенных инструментов.

Государственная Уставная Грамота есть пример применения теории общественного договора и принципа разделения властей с целью реализации самодержавных прав русских императоров. Подводя общий итог рассмотрению того, как теория общественного договора и принцип разделения властей реализованы в Государственной Уставной Грамоте, следует признать, что управленческая система, в понимании авторов Грамоты, включает в себя все сферы государственного управления: судебные, законосовещательные и исполнительные органы во всем их многообразии. Ни один из управленческих органов Грамоты не наделен даже подобием власти. Им принадлежат только и исключительно функции. Все они созданы с единственной целью – предоставить в распоряжение самодержца механизм реализации его и только его неограниченной власти. Реальная власть сконцентрирована в священной особе верховного самодержавного правителя. В отношении органов управления Грамота фактически подменяет понятие власти различными функциями, которыми в большем или меньшем объеме наделяются различные административные органы.

В силу этого по отношению к Государственной Уставной Грамоте неправомерно ставить вопрос о большей или меньшей степени реализации принципа разделения властей или теории общественного договора в том виде, как эти концепции существовали в Европе. Даже минимальная попытка их реализации в европейском понимании неизбежно вела не просто к ограничению, а к ликвидации самодержавия, поскольку каждый из этих принципов в отдельности и, тем более, оба в совокупности подразумевали делегирование властных полномочий соответствующим органам, тем самым превращая последние во властные институты. В Грамоте же есть лишь один властный институт – самодержавие. Все остальное суть механизм, обеспечивающий функционирование этого института.

Таким образом, принцип разделения властей и теория общественного договора реализованы в Грамоте в качестве средства, обеспечивающего доминирующее положение императора по отношению к обществу.

Использование в процессе складывания административных структур самодержавной монархии западноевропейских управленческих механизмов был лишь одним из возможных способов построения абсолютистской государственности. В силу этого Грамоту следует рассматривать как одну из нереализованных моделей устройства абсолютистской государственности.

Со смертью Александра I и в результате восстания декабристов он был отброшен. В николаевское время была реализована иная модель. Общее между ними то, что обе они являются хотя и различными, но моделями одного и того же – абсолютизма.

Работа снабжена 10-ю **Приложениями**, по пять к каждому разделу, которые несут не иллюстративную, а смысловую нагрузку, поскольку содержат важнейший справочный материал, без которого невозможно полноценное восприятие работы.

В приложении 1 впервые в литературе приведен перевод французского текста первой редакции Государственной Уставной Грамоты. В приложении 2 представлены сведения о рукописях и изданиях первой, второй и третьей редакций Грамоты. Приложение представляет собой три схемы (отдельно для каждой редакции), из которых очевидно соотношение различных рукописных списков между собой и с более поздними публикациями. В приложении 3 впервые в литературе приведен перевод французского текста третьей редакции Государственной Уставной Грамоты. Перевод снабжен необходимыми комментариями. В приложении 4 приведены сводные данные о соотношении предполагавшегося Грамотой нового административно-территориального деления с фактическим положением дел на 1825 год. Приложение состоит из двух таблиц. В первой приведены сводные данные о распределении губерний по наместничествам в сопоставлении с генерал-губернаторскими округами империи по состоянию на 1825 год. Во второй – сводные данные о постоянном местопребывании наместников и

персональном составе наместнического корпуса в сопоставлении с фамилиями реальных генерал-губернаторов, управлявших соответствующими округами на 1825 год. Приложение 5 представляет собой таблицу, в которой напротив текста каждой статьи второй редакции приведены соответствующий полный текст статьи или статей Государственной Грамоты Царства Польского, а также, по необходимости, полные или частичные тексты иных русских и/или иностранных источников, из которых данная статья второй редакции текстуально или семантически заимствует конкретную правовую норму. В приложении 6 приведены сводные данные об организационной структуре и юрисдикции сеймов. В приложении 7 – сводные данные об организационных принципах функционирования посольских палат сеймов всех уровней. В приложении 8 представлена схема административно-территориального деления Российской Империи. Приложение 9 содержит сводные данные об организационной структуре и юрисдикции Государственного Совета, Советов Наместничеств и Губернских начальств. Приложение 10 в схематическом виде представлена структура органов государственной власти, согласно положениям Государственной Уставной Грамоты.

По теме диссертации опубликованы следующие статьи.

1) Чернов К.С. «Présis de la Charte Constitutionnelle de l'Empire Russie («Краткое изложение основ конституционной хартии для российской империи» // Вестник Московского Университета Серия 8. История. 2002. Март-апр. (№ 2).

2) Чернов К.С. «Истоки и смысл российского федерализма» // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности. Материалы II межвузовской научной конференции. М., 2007.